

Российское право: состояние, перспективы, комментарии

Научная статья

УДК 343.3

DOI: 10.17323/2072-8166.2022.4.24.50

Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта

Виталий Олегович Калятин

Исследовательский центр частного права им. С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, Россия, Москва 103132, Ильинка, 8/2, kalvit@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2927-6591>

Аннотация

Искусственный интеллект применяется в настоящее время во всех областях человеческой деятельности, включая создание фильмов, музыкальных произведений, современных технологий и т.д. Однако широкое использование искусственного интеллекта при создании результатов интеллектуальной деятельности ставит перед законодателем и судами трудные вопросы об определении правового режима, применимого к таким результатам интеллектуальной деятельности и об установлении места искусственного интеллекта в правовой системе в целом. Дискуссионным остается даже понятие искусственного интеллекта; жаркие споры вызывает и выбор подхода к определению лица, которому будут принадлежать созданные искусственным интеллектом результаты. Традиционное регулирование связывает охрану интеллектуальной собственности с деятельностью человека, а в рамках континентальной системы права требуется также творчество. В результате компании, использующие искусственный интеллект, указывают фиктивных авторов, чтобы получить охрану результатов интеллектуальной деятельности. В доктрине предложен ряд вариантов закрепления прав на такие объекты, среди которых можно назвать разработчика искусственного интеллекта; лицо, организовавшее функционирование искусственного интеллекта; инвестора; пользователя искусственного интеллекта; сам искусственный интеллект и др. В настоящей статье анализируются возможные модели регулирования таких результатов интел-

лектуальной деятельности, указываются перспективы изменения законодательства и общественные последствия этого. Делается вывод, что среди множества моделей закрепления права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом, лишь несколько заслуживают внимания, из которых наиболее перспективным является вариант введения специального ограниченного смежного права лица, организовавшего процесс использования искусственного интеллекта. Данная модель имеет сходство с уже существующими в гражданском праве конструкциями — правами изготовителя фонограмм, организации эфирного или кабельного вещания, изготовителя базы данных. Имеется и опыт применения этих конструкций в некоторых странах. Таким образом, появление искусственного интеллекта в сфере интеллектуальной собственности требует не значительной перестройки всего правового регулирования, а лишь развития сложившихся подходов.

Ключевые слова

интеллектуальная собственность, искусственный интеллект, авторское право, смежные права, автор, творчество, общественное достояние, пользователь, инвестор, организатор использования искусственного интеллекта.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках программы исследований Института права цифровой среды НИУ ВШЭ в 2020–2021 гг.

Для цитирования: Калятин В.О. Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта и его влияние на развитие гражданского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 4. С. 24–50. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.4.24.50.

Russian Law: Conditions, Perspectives, Commentaries

Research article

Establishing of Subject of Rights to Intellectual Property Created with Use of Artificial Intelligence

Vitaly O. Kalyatin

Private Law Studies Center under the President of the Russian Federation, 8 Ilyinka Str., Moscow 103132, Russia, kalvit@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2927-6591>

Abstract

Artificial Intelligence (AI) applies now in all areas of the mankind activity, including creation of new films, music, modern technologies, etc. However, active use of AI during creation of intellectual property causes substantial problems for legislator and courts concerning definition of relevant legal regime of such works and finding the place of artificial intelligence in the legal system. Even the notion of AI is still the subject of discussion, all the more so there are active discussions regarding definition of a subject of rights to products created by AI.

Traditional regulation requires protection of IP with human's activity, and, in the framework of continental legal system, creativity. As a result firms applying AI indicate fictive authors to protect relevant intellectual property. In the doctrine some variants of protection of such works are suggested, including protection of rights of AI developer, person who organized of artificial intelligence, investor, AI' user, AI itself, etc. In the article possible models of regulation are analyzed as well as perspectives of its implementation and possible results. The main conclusion is that among the many possible variants of definition of rights to the works created by artificial intelligence, only few deserve attention among which option of introduction of specific limited related rights of a person who organized of artificial intelligence is the most perspective. This model is similar with constructions are used in the civil law: phonograms producer rights, air and cable broadcasting bodies rights, database producers' rights. There is some experience of use of such model in several countries. Thus, use of artificial intelligence in the intellectual property sphere requires developing of existing legal regimes rather than substantial reconstruction of the legal regulation.

Keywords

intellectual property, artificial intelligence, copyright, related rights, author, creative activity, public domain, user, investor, organizer of artificial intelligence implementation.

Acknowledgements: The article is prepared as a part of the research program Institute of digital environment of National Research University Higher School of Economics in 2020–2021.

For citation: Kalyatin V.O. (2022) Establishing of subject of rights to intellectual property created with use of artificial intelligence. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 15, no. 4, pp. 24–50 (in Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2022.4.24.50.

Введение

Термин «искусственный интеллект» впервые появился в работе Д. Маккарти в далеком 1956 году [Prange D.A., Lawson A., 2018: 35]. Однако именно сегодня охрана результатов интеллектуальной деятельности, созданных с помощью искусственного интеллекта, стала актуальной задачей права. Возрастание возможностей современной вычислительной техники с одной стороны и ее широкое внедрение в процесс создания результатов интеллектуальной деятельности с другой ставит вопрос об определении правовых режимов, применимых к объектам, создаваемым с помощью искусственного интеллекта. Многообразии возможных подходов к урегулированию возникающих отношений требует выделения базовых моделей, на основе которых будут развиваться возможные вариации. Такая систематизация позволит определить принципиальные подходы к решению поставленной задачи и принять во внимание специфику национального права.

Однако вопрос определения субъекта прав на такие произведения гораздо важнее, чем решение лишь практической проблемы защиты производителей соответствующих результатов. Уже сейчас создаваемые искус-

ственным интеллектом результаты могут быть практически неотличимы от продуктов человеческого труда и даже превосходить их с точки зрения восприятия публикой¹.

Перед человечеством встала проблема выработки отношения (в том числе и с точки зрения права) к интеллектуальной собственности, созданной не человеком, причем не в качестве курьезного исключения², а уже типичной ситуации. Со временем участие электронной техники в жизни человечества будет лишь возрастать, поэтому неизбежно будет расти и количество гражданско-правовых вопросов, связанных с использованием искусственного интеллекта. Решение этого, на первый взгляд частного вопроса может существенно повлиять на развитие гражданского законодательства.

Конечно, вопрос о месте искусственного интеллекта в гражданском праве требует отдельного исследования. Однако важно помнить, какие цели мы можем ставить при выборе той или иной модели и какие последствия выбор модели повлечет за собой в общественном развитии.

1. Определение искусственного интеллекта

По своей природе искусственный интеллект может рассматриваться как программа ЭВМ — это понятие известно праву. Поскольку наиболее распространенным взглядом на искусственный интеллект является отношение к нему как к инструменту, используемому в деятельности человека, и, соответственно, выступающему в качестве объекта права, вопрос о праве на результат, создаваемый искусственным интеллектом, фактически заменяется на вопрос: участвовал ли в создании данного объекта человек, внесший творческий вклад в его создание (так как именно творчество при создании произведения является сегодня ключевым моментом для определения охраноспособности произведения).

С одной стороны, это позволяет применять традиционные подходы к регулированию прав на такие результаты интеллектуальной деятельности, разрешая спорные вопросы уже сегодня на базе действующего законодательства, но с другой — ослабляет охрану объектов, в создании которых человек не проявил явной творческой активности.

---

¹ Так, в ходе теста в Рутгерском университете (США) в 2017 г. группа экспертов в области информатики и историков искусств не смогла отличить картины, созданные искусственным интеллектом от картин, созданных человеком; иногда картины, созданные искусственным интеллектом, оценивались выше (Lauber-Rönsberg: Autonome „Schöpfung“ — Urheberschaft und Schutzfähigkeit GRUR 2019, 244. Beck-online).

² Как, например, с нашумевшим «селфи обезьяны», сделанным с помощью фотоаппарата фотографа Д. Слейтера. Available at: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B5%D0%BB%D1%84%D0%B8_%D0%BE%D0%B1%D0%B5%D0%B7%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D1%8B (дата обращения: 10.10.2021)

Несколько проще ситуация в странах общего (англосаксонского) права, где критерий творчества снижен. Однако даже в таких странах сохраняются принципиальные проблемы, связанные с охраной результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта, и встраивания их в систему охраняемых объектов. Кроме того, не устраняются риски для творческой деятельности человека, возникающие в связи с массированным использованием компьютерных систем.

Тем более вариант снижения требований к уровню творчества является неприемлемым в странах континентальной правовой системы, к которым относится и Россия. Поэтому ограничиться только снижением требований к охраняемому объекту будет недостаточно, потребуются введение регулирования с учетом специфики функционирования искусственного интеллекта.

Системы вычислительной техники могут в различной степени использоваться при создании результатов интеллектуальной деятельности: степень участия может варьироваться от фиксации объекта (текста, фотографии, звуков) до сложной обработки получаемого материала, при которой роль пользователя вычислительной системы сводится лишь к выбору задачи или исходного материала. Очевидно, что когда вычислительная система используется лишь как специальный инструмент фиксации действий пользователя, серьезных проблем с регулированием нет. Это же касается обработки материала (например, фотографии, текста), осуществляемой пользователем, где вычислительная система будет выступать в качестве технического средства, обеспечивающего изменение материала, его проверку и т.д., действуя по инструкциям пользователя.

Наиболее проблемна область работы вычислительной системы без непосредственного вовлечения человека в процесс. В действительности человек может участвовать в этом процессе, хотя бы на уровне формулирования принципов действия и правил поведения соответствующей системы, однако в момент решения поставленной задачи вычислительная система будет действовать для пользователя автономно (хотя в некоторых ситуациях может предусматриваться и некоторая степень участия пользователя в процессе).

Поэтому в качестве базового определения допустимо принять вариант, предложенный Всемирной организацией интеллектуальной собственности: «Искусственный интеллект — это отрасль информатики, целью которой является создание машин и систем, способных к выполнению задач, которые считаются требующими участия человеческого разума, при ограниченном вмешательстве человека или вообще без такого вмешательства». В узком смысле термин обозначает «системы и программы, запрограммированные на решение индивидуальных задач»³. Данное определение удобно для огра-

---

³ Available at: URL: https://www.wipo.int/meetings/ru/details.jsp?meeting_id=55309 (дата обращения: 10.10.2021)

ничения исследуемой сферы, однако оценка необходимости участия человеческого разума в решении задачи является чрезвычайно субъективной.

При рассмотрении вопросов, анализируемых в настоящей работе, следует помнить, что искусственный интеллект не является аналогом человеческого интеллекта ни по организации, ни по характеру функционирования. В этом отношении важен мысленный эксперимент «китайская комната», предложенный Джоном Серлом [Searle J., 1990: 26–31]. Его суть заключается в следующем: если лицу, закрытому в комнате, сообщить, когда и как использовать китайские иероглифы при получении вопроса на китайском языке, такое лицо будет способно давать ответы на переданные ему вопросы на китайском языке, которые могут восприниматься лицом, находящимся за пределами комнаты и знающим китайский, как разумные и осознанные. В то же время запертое в комнате лицо, очевидно не понимает не только смысла вопросов, но и данных им ответов.

Эксперимент показывает теоретическую возможность такой организации обработки информации, при которой механическое использование заданных правил действий и примеров подобных задач («слабый искусственный интеллект») позволит получать вполне обоснованные и выглядящие разумными ответы. Однако слабый искусственный интеллект не контролирует процесса обработки информации и не способен к сознательному восприятию задачи, на что способен человеческий интеллект (который можно назвать «сильным искусственным интеллектом»). Естественным ограничением применимости слабого искусственного интеллекта является круг задач, для которых он создан; сильный искусственный интеллект может решать задачи практически в любой области. Предполагается, что пока созданные системы не дают возможности говорить о существовании сильного искусственного интеллекта. В то же время нейронные сети способны к самообучению, что потенциально позволяет существовать на их основе сильному искусственному интеллекту.

В доктрине и законодательстве известны и другие определения искусственного интеллекта. Так, ГОСТ 15971-90 (п. 56 Таблицы 1) определяет искусственный интеллект как «способность вычислительной машины моделировать процесс мышления за счет выполнения функций, которые обычно связывают с человеческим интеллектом. Такими функциями являются, например, обучение и логический вывод»⁴. В свою очередь, п. 5 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года устанавливает, что искусственный интеллект — это «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека

---

⁴ ГОСТ 15971-90. Государственный стандарт Союза ССР. Системы обработки информации. Термины и определения (утв. и введен в действие Постановлением Госстандарта СССР от 26.10.1990 № 2698).

(включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений»⁵.

За рубежом определения искусственного интеллекта разнообразны, но в целом их можно свести либо к проведению аналогии с интеллектуальной деятельностью человека, либо к указанию функций, выполняемых искусственным интеллектом.

К первой группе относят, например, Национальную стратегию искусственного интеллекта, принятую в Сингапуре: она определяет искусственный интеллект как способность симулировать интеллектуальную деятельность человека с помощью компьютера⁶. А Национальная программа искусственного интеллекта ОАЭ определяет его как набор технологий, позволяющих машине или системе понимать, учиться, действовать и чувствовать, как человек. Такой подход вполне понятен и обоснован — он дает возможность заниматься регулированием соответствующей сферы, не увязая в теоретической дискуссии. Все же он малоперспективен, так как организация мыслительной деятельности человека и функционирование электронных устройств слишком различаются по своей сути, и любые попытки их сравнить носят чисто внешний и условный характер.

Во вторую группу можно включить определения, рассматриваемые в ЕС и США. Так, в Европейской резолюции от 16.02.2017 с рекомендациями о робототехнике предлагаются следующие характеристики «умного робота»: способность становиться автономным за счет обмена данными со средой, их обработки и анализа; способность самообучаться; существование, по крайней мере, минимальной физической поддержки; способность приспособлять свои действия к условиям среды; отсутствие биологической жизни⁷. В законопроекте «Будущее искусственного интеллекта», который обсуждали в Конгрессе США, указано, что термин «искусственный интеллект» вклю-

---

⁵ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»).

⁶ Available at: <https://www.smartnation.gov.sg/files/publications/national-ai-strategy.pdf> (дата обращения: 10.10.2021)

⁷ European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). Available at: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&reference=P8-TA-2017-0051&language=EN> (дата обращения: 10.10.2021)

чают любые искусственные системы, которые: выполняют задачи в меняющихся и непредсказуемых обстоятельствах без существенного контроля со стороны человека; или могут учиться на собственном опыте и улучшать производительность; или способны думать подобно человеку; или способны действовать подобно человеку (пройти тест Тьюринга или другой аналогичный тест); или стремятся выполнять познавательные задачи; или действуют рационально и достигают целей за счет восприятия, планирования, логических умозаключений, обучения, коммуникации, принятия решений и действия⁸.

Схожие критерии выдвигались и в российской доктрине. Например, В.В. Наумов и Е.В. Тютюк предложили следующие признаки искусственного интеллекта: предназначенность для обработки информации; способность анализировать информацию об окружающей среде; автономность в реализации алгоритма; способность без участия человека самообучаться в процессе своего исполнения [Наумов В.В., Тютюк Е.В., 2018: 533].

Данные критерии по сути характеризуют процесс принятия решения искусственным интеллектом, а не принципы функционирования самого субъекта. В то же время соответствие компьютерной системы этим критериям отнюдь не предопределяет качественных характеристик результатов интеллектуальной деятельности. Очевидно, при оценке охранных способностей результата интеллектуальной деятельности пользователь не может оценить процесс организации работы соответствующей вычислительной системы, поэтому для охраны результатов интеллектуальной деятельности искусственный интеллект следует рассматривать как «черный ящик», а оцениваться должен сам результат интеллектуальной деятельности.

В связи с этим важно определить критерии, которым должны соответствовать результаты интеллектуальной деятельности.

2. Общие подходы к закреплению прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданных искусственным интеллектом

Согласно п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда от 23.04.2019 №10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» «Судам при разрешении вопроса об отнесении конкретного результата интеллектуальной деятельности к объектам авторского права следует учитывать, что по смыслу статей 1228, 1257 и 1259 ГК РФ в их взаимосвязи та-

---

⁸ H.R.4625 — FUTURE of Artificial Intelligence Act of 2017, 115th Congress (2017–2018). Available at: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/4625/text> (дата обращения: 10.10.2021)

ковым является только результат, созданный творческим трудом. При этом, пока не доказано иное, результаты интеллектуальной деятельности предполагаются созданными творческим трудом. Необходимо также принимать во внимание, что отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать о том, что такой результат создан нетворческим трудом и, следовательно, не является объектом авторского права. Творческий характер создания произведения не зависит от того, создано произведение автором собственноручно или с использованием технических средств. Вместе с тем результаты, созданные с помощью технических средств в отсутствие творческого характера деятельности человека (например, фото- и видеосъемка работающей в автоматическом режиме камерой видеонаблюдения, применяемой для фиксации административных правонарушений), объектами авторского права не являются».

Таким образом, в российской судебной практике в части определения охраноспособности произведений проводится грань между объектами, созданными человеком, и созданными техническим средством без участия человека. Такой подход распространен за рубежом; например, Бюро авторского права США регистрирует произведения, только если они созданы человеком⁹, а суды последовательно отвергают любые попытки признания прав на произведения, не созданные человеком (будь то животное¹⁰ или дух святой¹¹ и т.д.). В ряде стран это определяется указанием на творческий характер деятельности по созданию произведения¹², в других — прямо указывается, что автором может быть только человек¹³.

Акцент на творческом характере создания произведения делает невозможным (в рамках действующей в России модели) охрану произведений, созданных искусственным интеллектом, в связи с чем может встать вопрос о необходимости изменения установленных законом критериев охраноспособности подобной категории произведений. Такой подход объясняется значением, придаваемым критерию творческой деятельности.

Соответственно, если стоит задача расширить действие авторского права на произведения, созданные искусственным интеллектом, необходимо либо

---

⁹ Compendium of U.S. Copyright Office Practices, 29.09.2017, no. 306. Available at: <https://www.copyright.gov/comp3/chap300/ch300-copyrightable-authorship.pdf> (дата обращения: 10.10.2021)

¹⁰ *Naruto v. Slater*, no. 16-15469 (9th Cir. 2018).

¹¹ U.S. Court of Appeal Ninth Circuit June 10, 1997, *Urantia Foundation v. Maaherra*, 114 F.3d 955, 963–964.

¹² Напр., ст. 2 Закона Японии об авторском праве (№ 48, 1970) указывает, что охрана полагается только произведениям, которые творчески выражают мысли или эмоции.

¹³ См., напр., ст. 7 Закона Германии об авторском и смежных правах (1965).

изменить подход к критерию творческой деятельности, например, за счет расширительного толкования этого критерия, что позволит распространить его и на продукты, созданные искусственным интеллектом, либо разделить подходы к определению охраноспособности произведений, созданных человеком и искусственным интеллектом. В связи с этим заметим, что вопрос критериев охраноспособности произведений не может быть оторван от определения субъекта права. Независимо от избранного подхода, выбор критериев, так же как и субъекта, определяется социальными целями введения правовой охраны произведений.

Эти цели лежат в нескольких плоскостях.

Основной целью охраны результатов интеллектуальной деятельности является стимулирование социально важной деятельности по созданию таких объектов. Это проявляется в выборе как субъекта права, так и условий охраны соответствующего объекта. Введение авторско-правовой охраны позволило поощрить авторов в создании новых произведений, ведь обычно, по крайней мере ныне, основной мотив человеческого поведения — максимизация своего материального благосостояния [Карапетов А.Г., 2016: 46]. В этом плане акцент на творчестве дает возможность усилить стимулирующий эффект за счет моральных факторов (признание лица автором), причем зачастую на первом плане у авторов стоит именно моральное поощрение, так как оно предполагает признание обществом неординарности лица, его особых качеств (таланта) и т.п.

Однако введение такой охраны призвано вознаградить автора не только и не столько из чувства благодарности или справедливости, а потому, что это стимулирует общественно важную деятельность указанных лиц.

С другой стороны, признание прав на результаты интеллектуальной деятельности стимулирует не только создание таких объектов, но и их раскрытие. Возможность извлечь выгоду из использования созданного результата интеллектуальной деятельности, способного к копированию, требует предоставления лицу монополии. Если законодатель не создает юридической монополии (исключительного права), то для автора необходимым становится поддержание фактической монополии и прежде всего — сохранение сути результата интеллектуальной деятельности в тайне. Но такое положение не соответствует целям права интеллектуальной собственности [Сесицкий Е.П., 2018: 133].

С экономической точки зрения закрепление права за субъектом необходимо для обеспечения экономического оборота, поскольку движение права возможно только при условии четкого определения первого обладателя этого права. Как писал В.А. Дозорцев, «творческий результат интеллектуальной деятельности носит следы личности автора. Поэтому и первоначальное имущественное право использования, имеющее своим основанием творческую

деятельность, привязывается именно к личности автора. И дело не только, а может быть не столько в защите интересов личности как таковой, сколько в обеспечении нормального функционирования экономического оборота. Поэтому авторство имеет значение прежде всего как основание возникновения имущественных прав, как первоначальная точка отсчета этих прав, оно является результатом индивидуализации первоначального правообладателя» [Дозорцев В.А., 2003: 145].

Тем более важна эта цель в странах общего права: «Признавая и используя факт, что закон поддерживает точку зрения, что автор создавал имущество, которое может получить финансовую ценность, появилась возможность смениться от частного к коммерческому патронажу» [Feather J., 2010: 364]. Так стимулируют потребление результатов интеллектуальной деятельности, их коммерческого использования, а уже через них — и создания таких объектов.

Независимо от того, к какой правовой системе относится то или иное государство, обе эти цели имеют существенное значение, хотя приоритеты законодателей различны. Так, в доктрине отмечалось: «Мы не ошибемся, если скажем, что в развитии современных законов об авторском праве экономические и социальные аргументы имеют больший вес в англо-американском праве, в то время как в странах континентального права аргументы естественного права и защита автора играют ведущую роль» [Garnett K., James J., Davies G., 1999: 29].

Имеет значение и такая цель, как распределение ответственности в рамках оборота прав. Однако она не играет ведущей роли, хотя и должна приниматься во внимание, что будет видно при рассмотрении такой модели, как закрепление прав на созданный объект за самим искусственным интеллектом.

Наконец, регулирование в указанной сфере может быть направлено и на снижение рисков. Хотя искусственный интеллект стал очень важен, с его применением связаны опасности. Искусственный интеллект потенциально способен породить серьезные проблемы для создания новых результатов интеллектуальной деятельности, поскольку автор-человек никогда не сможет конкурировать с автором-искусственным интеллектом в скорости и стоимости создания новых результатов интеллектуальной деятельности при его массовом применении (в особенности, в сферах, где нет высоких требований к художественной ценности создаваемого продукта). Если создаваемые объекты не будут охраняться, это усилит их использование обществом — в ущерб авторам-людям.

Указанная опасность может быть минимизирована заблаговременным введением режима охраны результатов интеллектуальной деятельности, создаваемых искусственным интеллектом, с установлением больших ограничений, чем для обычных прав автора на соответствующий результат интеллектуальной деятельности, в частности, по сроку, возможно, по объему

права, по случаям свободного использования. Хотя на данный момент указанная опасность имеет гипотетический характер, наиболее действенное ее решение путем введения ограниченного права возможно именно когда в законодательстве и практике отсутствует устоявшийся подход (например, в виде признания на такие объекты полноценных авторских прав).

Именно цели, стоящие перед законодателем, в итоге определяют, создание каких объектов будет стимулироваться за счет установления субъекта права и критериев охраноспособности объекта. Применительно к объектам авторского права в мире применяются многочисленные критерии охраноспособности, в частности, новизны, уникальности, оригинальности, индивидуальности произведения и т.д. Несмотря на их разнообразие, в целом они направлены с одной стороны на стимулирование создания результатов интеллектуальной деятельности, а с другой — на ограничение круга таких объектов. В связи с этим указания на «новизну» объектов было бы недостаточно. Если применительно к патентному праву проверка новизны нового объекта возможна, то в отношении объектов авторского права это трудно реализовать.

Но важнее, что общественная польза введения исключительного права перевешивает негативные последствия установления исключительного права (имеющего монопольный характер) только если речь идет о важных для общества результатах, которые не могут быть созданы любым человеком. Как отмечал В.И. Серебровский, для признания объекта произведением литературы, науки или искусства недостаточно его новизны, требуется еще, чтобы произведение явилось результатом творческой деятельности данного лица, иначе говоря, чтобы данный объект был создан не механически, не путем применения чистой техники [Серебровский В.И., 1956: 33].

Таким образом, критерий творческого характера деятельности фактически призван определить качественные характеристики произведения, выделяющие его из круга других результатов человеческой деятельности. Установить характер мыслительной деятельности человека пока возможно лишь по ее проявлениям, поэтому, говоря о творческом характере деятельности автора, мы имеем в виду ее отражение в созданном продукте, устанавливая тем самым характер деятельности человека.

Однако такая оценка созданного произведения является весьма трудным делом. Поэтому суды склонны применять при оценке произведения и другие критерии. В частности, Верховный Суд Российской Федерации в 2006 г. указал, что к объектам авторского права могут относиться произведения, которые могут использоваться самостоятельно, являются творческими и оригинальными¹⁴, Суд по интеллектуальным правам употреблял критерий

¹⁴ П. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.06.2006 № 15 «О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах» (утратило силу).

уникальности¹⁵, а один из арбитражных судов — критерии оригинальности и новизны¹⁶ и т.д.

Указанные критерии не имеют самостоятельного значения, они являются частными случаями проявления критерия творческой деятельности. По этой причине они могут применяться для облегчения оценки произведения, но не заменять критерий творческой деятельности. Поэтому Верховный Суд России в процитированном выше Постановлении Пленума указал, что само по себе отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим трудом и, следовательно, не является объектом авторского права.

Критерий творческой деятельности применяется в странах континентальной системы права и даже в ряде стран общего права (США, Сингапуре). Однако ориентированность данного критерия на внутренние психологические процессы человека затрудняет его применение при оценке результатов интеллектуальной деятельности, созданных с помощью искусственного интеллекта. Даже если в качестве субъекта права будет избран человек (программист, пользователь и т.д.), это не устранил проблемы: трудно будет доказать, что подобное произведение является результатом творческого труда или хотя бы что создание такого произведения принципиально требует такого труда.

Однако сохранение качественной оценки созданных результатов интеллектуальной деятельности чрезвычайно важно, так как использование электронных систем способно привести к многократному увеличению количества создаваемых результатов интеллектуальной деятельности, подавляющее большинство которых может не иметь социальной ценности.

В то же время достижение тех же целей возможно и без трудоемкого процесса оценки мыслительной деятельности создавшего его лица. Примером является использование «качественного» критерия в патентном праве — критерия изобретательского уровня или его аналогов — «изобретательского шага», существенной новизны и т.д. Поэтому признаем, что в зависимости от выбора модели закрепления права на результат интеллектуальной деятельности, созданным искусственным интеллектом, потребуются корректировка критериев охраноспособности таких объектов в части их отрыва от мыслительного процесса человека.

---

¹⁵ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 25.08.2014 по делу № А12-18806/2013.

¹⁶ Решение Арбитражного суда Свердловской области от 20.05.2016 по делу № А60-49303/2015.

3. Модели закрепления прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом

Назовем лиц, участвующих в создании результата интеллектуальной деятельности и могущих претендовать на закрепление прав на созданный объект. Это: лицо, разработавшее программу, лежащую в основе искусственного интеллекта; лицо, организовавшее функционирование искусственного интеллекта и создание тематики результатов интеллектуальной деятельности (и разновидность такого субъекта–инвестора); пользователь искусственного интеллекта; сам искусственный интеллект. Кроме того, возможны промежуточные модели: соавторство искусственного интеллекта и человека; фиктивное авторство.

Внимания заслуживает и вариант применения режима общественного достояния к результатам, созданным искусственным интеллектом (или даже полное исключение таких объектов из правовой охраны).

На данный момент нельзя утверждать, что какой-либо из отмеченных вариантов пользуется безоговорочной поддержкой; более того, в доктрине отмечается, что эти концепты «имеют положительные и отрицательные стороны, ни один из них нельзя назвать полностью подходящим или полностью некорректным, и полноценное воплощение в жизнь каждого из них потребует определенного (вплоть до глубинного) реформирования законодательства, в том числе об интеллектуальной собственности» [Морхат П.М., 2019: 240–241].

Рассмотрим эти варианты.

3.1. Лицо, разработавшее искусственный интеллект

Данный вариант выглядит простым в применении, поскольку он предполагает применение к созданным результатам интеллектуальной деятельности критериев правоспособности. Искусственный интеллект рассматривается как инструмент, используемый автором для создания новых результатов интеллектуальной деятельности, а такая модель известна праву. Такой вариант, например, был закреплен в проекте закона о внесении изменения в статью 1228 ГК РФ, внесенного в Государственную Думу депутатом А. Кобилевым¹⁷.

В то же время заметим, что автор искусственного интеллекта фактически предопределяет методы функционирования созданного им искусственного

¹⁷ Available at: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4566144?query=%D0%9A%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D0%BB%D0%B5%D0%B2> (дата обращения: 10.10.2021)

интеллекта, но не вносит вклада в результат. В связи с этим он не может рассматриваться как автор создаваемых искусственным интеллектом объектов, следовательно, мы будем иметь дело с принципиально новым подходом, при котором права автора будут распространяться на группу результатов интеллектуальной деятельности, которые он не создавал, а лишь подготовил инструмент пользователя.

Такая ситуация означает перенесение стимулирования с уровня результатов интеллектуальной деятельности на уровень создания искусственного интеллекта, т.е. автора будут поощрять создавать новые варианты искусственного интеллекта (с помощью которых будет создано возможно больше новых результатов интеллектуальной деятельности), но это никак не затрагивает создания самих новых результатов с возможно высокими качественными характеристиками, ведь автор уже не принимает участия в процессе применения искусственного интеллекта.

Это вызовет негативные последствия как для общества в целом, так и для лиц, использующих искусственный интеллект, поскольку они не получают прав на создаваемые в рамках своего бизнеса объекты. Ведь приобретатель программы обычно рассчитывает на наличие у него прав на продукцию, созданную с помощью программы, и действующая концепция авторского права подкрепляет его в этом.

С другой стороны, рассматриваемая модель неизбежно приведет к монополизации рынка, поскольку вместо закрепления прав за множеством конкурирующих лиц, использующих искусственный интеллект, права на огромное количество создаваемых объектов будут закрепляться за немногочисленными разработчиками искусственного интеллекта, лидирующими на рынке.

Напомним, что разработчик искусственного интеллекта уже получает вознаграждение от лиц, приобретающих права на разработанную им программу.

3.2. Лицо, организовавшее функционирование искусственного интеллекта и создание искусственным интеллектом результатов интеллектуальной деятельности

Иная ситуация, по сравнению с рассмотренной в предыдущем пункте, видна при выдвигании на первый план фигуры лица, организовавшего создание результата интеллектуальной деятельности. Такое лицо может обладать соответствующей программой на различных основаниях — как обладатель исключительного права на программное обеспечение или лицензиат или лишь как владелец аппаратного обеспечения, на котором установлено программа, — это не имеет принципиального значения.

Обоснование прав такого лица может строиться на основе признания общественной полезности его деятельности и необходимости ее поощре-

ния. Так, французские юристы при подготовке заключения Международной ассоциации защиты интеллектуальной собственности¹⁸ предлагали, что в случае охраны авторским правом объектов, созданных искусственным интеллектом, право на произведение следовало бы предоставить лицам, инициировавшим создание объекта, осуществлявшим руководство проектом и раскрывшим произведение. Перекликается с их мнением теория немецкого ученого Т. Кройцера, по которой охрана может быть предоставлена уже в силу того, что лицо выявило и предъявило обществу соответствующий объект («теория презентации»)¹⁹.

Однако попытка признать такое лицо автором не соответствует принципам авторского права, так что не зря данную теорию активно критикуют в Германии. Гораздо логичнее говорить не об авторском, а о более узком смежном праве, о предоставлении права организатору процесса создания объекта, подобно правам изготовителя фонограммы, организации эфирного или кабельного вещания и т.д. Именно в группе смежных прав и ищут место указанных объектов большинство исследователей в Германии.

Преимущества указанной модели: стимулирование создания новых результатов интеллектуальной деятельности и возможность владельца приобретенного программного обеспечения эффективно осуществлять его коммерческую эксплуатацию. В то же время при такой модели права на созданные объекты будут возникать непосредственно у организатора процесса, а не физического лица, который работает с помощью искусственного интеллекта. Это означает отсутствие у физического лица мотивации творческой деятельности. В свете расширения возможностей искусственного интеллекта оператор обычно будет выполнять технические функции и его деятельность вряд ли будет творческой. Принципиально возникающая ситуация не отличается от иных случаев, когда закон предусматривает непосредственное возникновение прав у организатора соответствующей деятельности, например, у изготовителя базы данных или фонограммы, умалчивая об операторах, вводящих данные в систему.

Данная модель реализуется в ряде стран — в Великобритании (где она закреплена законом) и США (на уровне судебной практики), признается в Новой Зеландии [Selvadurai N., Matulionyte R., 2020: 536–543]. Зачастую фактически проводится аналогия со служебными отношениями, где искусственный интеллект занимает место работника компании. При этом учитывается, что работодатель может контролировать создание работником

¹⁸ Available at: https://www.aippi.dk/wp-content/uploads/2019/11/Resolution_Copyright_in_artificially_generated_works_English.pdf (дата обращения: 10.10.2021)

¹⁹ Available at: https://www.nomos-elibrary.de/10.5771/9783845212197.pdf?download_full_pdf=1 (дата обращения: 23.10.2021)

результата интеллектуальной деятельности и выбор используемых средств [Jaszi P., 1992: 34].

В Великобритании Закон об авторских правах и патентах (1988) установил, что произведения, созданные компьютером, могут получать авторско-правовую охрану даже в обстоятельствах отсутствия автора-человека²⁰ — произведение будет считаться созданным лицом, которое осуществило необходимые приготовления к созданию произведения²¹. Выдвинуты трактовки этой нормы. Так, Д. Вейвер считает, что Закон создал фигуру «фиктивного автора», причина чего не имеет ничего общего с поощрением творчества человека, но полностью имеет в виду защиту продукта инвестиций от недобросовестных действий и присвоения [Vaver D., 1994: 162]. По мнению других авторов, эта норма Закона столь широка, что охватывает лицо, управляющее компьютером, а также лицо, предоставившее или запрограммировавшее компьютер [Bently L., Sherman B., 2004: 117]. Однако к таковым не следует относить лиц, выполняющих технические функции (т.е., например, пользователей, вводящих данные в память устройства); следовательно, на первый план вновь выйдет процесс организации работы.

Безусловно, роль организатора в создании результата интеллектуальной деятельности становится определяющей и с точки зрения общественного прогресса заслуживающей стимулирования. Однако для полноценной реализации этой модели целесообразно введение в законодательство специального регулирования, например, в категории смежных прав. Это также позволит за счет установления разных режимов разграничить деятельность человека и функционирование искусственного интеллекта и соответственно минимизировать риск «инфляции» ценности результатов интеллектуальной деятельности ввиду того, что искусственный интеллект может массово производить такие продукты.

Но, может быть, правильнее сделать акцент на инвестициях, а не на организационной деятельности и признавать права за лицом, инвестировавшим в разработку соответствующего результата интеллектуальной деятельности? Такая модель реализована, например, в отношении изготовителя баз данных, поэтому делались предложения и применительно к указанным объектам выдвинуть на первый план фигуру инвестора²².

Однако закон связывает понятие изготовителя базы данных прежде всего с организационными усилиями (так, п. 1 ст. 1333 ГК РФ определяет, что «изготовителем базы данных признается лицо, организовавшее создание базы данных и работу по сбору, обработке и расположению составляющих

---

²⁰ Study question. AIPPI 2019. Copyright in artificially generated works. Zurich, 2019. P. 9, 178.

²¹ Ibid.

²² Ibid. P. 13, 18.

ее материалов»), а критерий инвестиций применяется к базе данных, а не к деятельности изготовителя базы данных. Иными словами, на первом плане стоит именно организационная деятельность лица и охраняется не инвестор (например, лицо, выделившее средства), а обеспечивший создание базы данных. Менее отчетливо это положение выражено в Директиве ЕС от 11.03.1996 №96/9/ЕС «О правовой охране баз данных», но и там, согласно п. 1 ст. 7, охраняется «создатель базы данных».

Таким образом, выдвигать фигуру «инвестора» в отрыве от выполнения им организационной функции нецелесообразно. Это понятно, так как определяющим для успеха создания подобного продукта является именно организация его создания.

Другой вопрос — имеет ли смысл указание для результатов, созданных искусственным интеллектом, на размер инвестиций как на дополнительный критерий охраноспособности? Вероятно, в отличие от баз данных, в отношении иных объектов авторского права дополнительно ограничивать охрану объектов, в которые не было сделано существенных инвестиций, нет смысла, так как искусственный интеллект может использоваться в самых разнообразных сферах, и не всегда инвестиции будут иметь решающее значение.

3.3. Пользователь искусственного интеллекта

Так именуют лицо, в результате непосредственных действий которого запускается соответствующая задача и определяются параметры ее выполнения. Это, очевидно, дает ему возможность претендовать на права в отношении созданного результата.

Более того, в юрисдикциях, не требующих существенного творческого вклада в создание произведения (как, например, в Великобритании в силу доктрины «в поте лица»), отбора и доработки произведений, созданных компьютером, может хватить для признания творчества [Samuelson P., 1986: 1185, 1204]. В судебной практике США имеется опыт признания «квази-имущественных прав» (the Quasi-Property Treatment) даже при отсутствии творческого вклада в создание объекта — например, в ситуации с «горячими» новостями [Yu R., 2017: 1266–1268]. Предложения о признании правообладателем пользователя искусственного интеллекта, есть и в российской доктрине [Назаров Н., 2020: 61].

Однако роль такого пользователя может варьироваться от активного влияния на создаваемый результат интеллектуальной деятельности, до чисто механического введения параметров в систему. Внешне деятельность пользователя выражается в одних и тех же действиях (например, запуск процесса), но ключевым является осознание пользователем ожидаемого результата; только имея характеристики такого результата можно говорить о

творческой деятельности лица. При наличии в деятельности пользователя творческой составляющей он будет признаваться автором и в рамках нынешнего законодательства.

Таким образом проблемной является ситуация выполнения пользователем именно технической работы. Однако и тогда признание прав данного лица на созданные объекты не окажет на него стимулирующего воздействия — в силу характера работы пользователь будет делать то, что поручит руководитель.

Безусловно, положительный эффект последует в отношении деятельности работодателя такого пользователя. Работодатель получит права от своих работников, поскольку соответствующие объекты созданы в рамках служебных отношений, — и получение прав на созданные объекты будет стимулировать его активнее использовать искусственный интеллект и добиваться более высокого качества полученных продуктов. Но так как в силу технического характера работы первоначальное закрепление прав за тем или иным сотрудником будет иметь случайный характер, введение данного усложнения совершенно излишне. В связи с этим данный вариант не имеет преимуществ по сравнению с моделью, рассмотренной в предыдущем пункте. В то же время он может негативно сказываться на деятельности пользователя, поощряя его искать такие программы, которые все сделают за него, а не самостоятельно создавать новые результаты интеллектуальной деятельности [Perri M., Margoni T., 2010: 626]. Вряд ли это в интересах общества.

3.4. Искусственный интеллект

В целом в доктрине сложилось негативное отношение к идее наделяния правами на результаты интеллектуальной деятельности самого искусственного интеллекта. Дело, конечно, не только и не столько в том, что, как указывают некоторые авторы, компьютер не будет в состоянии защитить права или дать их другим лицам по договору [Solum L.B., 1992]. Принципиально отсутствие человека не является препятствием в закреплении права за определенной юридической сущностью — примером может быть хотя бы институт юридических лиц. Однако это требует признания правосубъектности за таким лицом, что нуждается в серьезном обосновании. Возникновение подобных субъектов в истории права определялось необходимостью ограничения ответственности в ходе коммерческой деятельности, что могло бы стать обоснованием и в данном случае, поскольку деятельность искусственного интеллекта может причинять убытки другим лицам. Так, А. Морриги видит основное препятствие к признанию прав за искусственным интеллектом именно в невозможности возложить на него ответственность²³.

---

²³ Available at: https://www.4ipcouncil.com/application/files/9615/1638/1031/The_Role_of_Intellectual_Property_in_the_Intelligence_Explosion.pdf (дата обращения: 23.10.2021)

В то же время признание ответственности субъекта предполагает его имущественную базу, иначе такой субъект будет использоваться для ухода от ответственности лица, владеющие искусственным интеллектом. Соответственно признание ответственности искусственного интеллекта за деятельность неизбежно означает и возможность вести эту деятельность от своего имени, и получать доходы от нее. Однако не ясно, какие преимущества даст введение в систему права такой категории субъекта права, как искусственный интеллект, при сохранении института юридического лица. Как минимум на данном этапе это осложнит систему права, но положительного результата не даст.

Очевидно, что искусственный интеллект пока не нуждается в поощрении, поэтому признание его прав не будет стимулировать разработку и внедрение новых результатов интеллектуальной деятельности. В связи с этим данная модель сейчас не привлекает серьезного внимания исследователей. Но ситуация может измениться в будущем.

3.5. Соавторство искусственного интеллекта и человека

В качестве варианта, обеспечивающего стимулирование широкого круга лиц, вовлеченных в создание результатов интеллектуальной деятельности, может рассматриваться институт соавторства, например, в виде признания соавторами программиста и пользователя. Так, сформулирован тезис, что разработчик программного обеспечения, способного к самообучению, и пользователь этой программы, могут рассматриваться в качестве соавторов и при отсутствии непосредственного сотрудничества при создании соответствующего объекта²⁴.

Однако преимущества этой модели — только внешние, поскольку она объединяет недостатки рассмотренных выше моделей: стимулирует заимствование чужих продуктов пользователем, вклад которого в создание произведения часто ничтожен [Kumar S., Lavery N.] и образование монополий разработчиков искусственного интеллекта (за счет распространения прав на созданные искусственным интеллектом продукты). Кроме того, такая конструкция не будет соответствовать сложившемуся в авторском праве регулированию соавторства, требующему совместной творческой деятельности лиц для признания соавторства.

Заслуживает внимания вариант соавторства пользователя (например, осуществляющего творческую деятельность) и искусственного интеллекта.

---

²⁴ Levy v. Rutley (1871). Available at: <https://swarb.co.uk/levy-v-rutley-ccp-1871/>; Hodgens v. Beekingham (2003). Available at: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff7a460d03e7f57eb0ad1> (дата обращения: 09.02.2021)

Так, например, департамент технической оценки законопроектов Конгресса США в 1986 г. выступил с критикой взгляда на компьютеры как на пассивные инструменты и отметил, что возрастающая сложность компьютерных программ и интерактивный характер вычислений повышает вероятность признания в некоторых случаях компьютеров соавторами человека²⁵.

Однако преимущества такого подхода не очевидны. Деятельность человека и искусственного интеллекта не может оцениваться на основе одинаковых подходов хотя бы из-за принципиальной разницы в ее организации; поэтому установление связки прав человека и искусственного интеллекта может привести к серьезному усложнению правовых конструкций при том, что искусственный интеллект в поощрении не нуждается (по крайней мере пока).

3.6. Фиктивное авторство

Учитывая требования наличия у охраноспособного произведения автора, присутствующее в законодательстве большинства стран, возможным способом решения проблемы в рамках действующего законодательства является условное определение лица, за которым желательно закрепить статус автора. Примером является законодательство Великобритании, где организатор создания произведения фактически признан его автором. Причина этого не имеет ничего общего с поощрением творчества человека, но полностью имеет в виду защиту продукта инвестиций от недобросовестных действий и присвоения [Vaver D., 1994: 162]. Схожий подход реализован в Новой Зеландии.

Особым вариантом данной модели является концепция, развитая Т. Батлером [Butler T., 1982: 744–745] и предполагающая установление судом фиктивного авторства на основе определения основного вклада в создание произведения. Но данная модель, не определяющая концептуально, за кем закрепляется право, дает лишь преимущество в сохранении привычной схемы с наличием у результата интеллектуальной деятельности автора. Пожалуй, проще будет ввести самостоятельный режим охраны в рамках смежного права без привязки к статусу автора.

3.7. Исключение из сферы охраны / общественное достояние

Обоснованием лишения охраны результатов интеллектуальной деятельности, созданных искусственным интеллектом, является отсутствие творче-

---

²⁵ US Congress. Office of Technology Assessment. Intellectual Property Rights in an Age of Electronics and Information. Wash., 1986. P. 72.

ского характера (в принятом на данный момент понимании) у деятельности искусственного интеллекта. Как в России, так и во многих других странах охрана полагается только результатам интеллектуальной деятельности, созданным человеком. Поскольку искусственный интеллект не нуждается в поощрении, предполагается, что можно сразу разрешать свободное использование созданных искусственным интеллектом объектов.

Разновидностью этой позиции является распространение на объекты, созданные искусственным интеллектом, режима общественного достояния. Так, например, Бюро авторского права США указывало, что произведения, создание которых не осуществлялось человеком, не являются объектами авторского права, а входят в сферу общественного достояния²⁶.

Но режим общественного достояния не означает полного исключения объекта из сферы правового регулирования. Более того, он прямо предполагает соблюдение ряда правил использования объекта (например, указание имени автора, запрет внесения изменений в произведение и т.д.). Как правило, этот режим применяется к результатам интеллектуальной деятельности, исключительное право на которые прекратилось, однако не исключено нахождение в этом режиме объектов, которые никогда не охранялись (п. 1 ст. 1337 ГК РФ; р. 313.6(D) сборника практики Бюро авторского права США²⁷).

Смысл введения режима общественного достояния вместо полного исключения произведения из-под охраны в том, чтобы сохранить ограниченный контроль общества над использованием результата интеллектуальной деятельности. Но в отношении искусственного интеллекта это требует закрепления законом условий использования таких объектов — ведь необходимо соблюдение интересов иных лиц, вовлеченных в создание этого объекта, или авторов произведений, использованных при его создании.

Главная же проблема введения этой модели заключается в устранении стимулирования применения искусственного интеллекта в разработке новых результатов интеллектуальной деятельности. С одной стороны это не дает владельцу искусственного интеллекта экономически полноценно эксплуатировать созданные объекты, а с другой — побуждают его скрывать использование искусственного интеллекта, выдвигать на первый план фигуру фиктивного автора.

Широкое применение искусственного интеллекта создает опасность вытеснения человека из творческой сферы и создания новых монополий (уже

---

²⁶ Compendium of U.S. Copyright Office Practices, § 313.2 (December 22, 2014). Available at: <https://copyright.gov/comp3/chap300/ch300-copyrightable-authorship.pdf> (дата обращения: 02.02.2021)

²⁷ Available at: <https://www.copyright.gov/comp3/chap300/ch300-copyrightable-authorship.pdf> (дата обращения: 29.07.2020)

фактических) на рынке интеллектуальной собственности у лиц, создающих искусственный интеллект или использующих его. Перевод результатов интеллектуальной деятельности, созданных искусственным интеллектом, в режим общественного достояния, не решит эту проблему, но лишь обострит ее, так как лица, использующие искусственный интеллект, будут маскировать его активное использование указанием физических лиц, лишь формально участвующих в создании результата интеллектуальной деятельности.

Необходимо не упускать из виду и экономическое значение применения механизма общественного достояния. Интересна модель, разработанная профессором университета Сан-Диего А. Раи. Он выделяет четыре категории общественно значимых издержек, связанных с созданием и развитием интеллектуальной собственности: затраты труда и капитала на разработку соответствующего объекта, кроме расходов на передачу прав («чистые затраты на разработку»); затраты на передачу права («транзакционные издержки»); издержки, обусловленные снижением стимулов к ведению соответствующей творческой деятельности в случае, если базовые исследования контролируются одним правообладателем («издержки творчества»); затраты на формулирование исследования, в результате которого создан данный результат («издержки на изобретение»). В зависимости от соотношения этих четырех видов издержек можно определить, насколько оправданным будет включение соответствующих объектов в сферу общественного достояния. А. Раи находит обоснованным применяемый в ряде университетов США подход, поощряющий приватизацию результата интеллектуальной деятельности, если транзакционные издержки и издержки творчества низки, и препятствующий такой приватизации, если указанные издержки высоки [Rai A.K., 1999: 136, 145]. При этом размер «чистых затрат на разработку» и «издержек на изобретение» нужно определять исходя из необходимости возмещения затрат.

Например, если университет разработал революционное изобретение в сфере медицины, как правило, будут высокими расходы на разработку и транзакционные издержки (чтобы компенсировать затраты на создание), а также «издержки творчества» (патент может мешать развитию целого направления науки). Поэтому для общества вполне обосновано распространение на такую разработку режима общественного достояния.

Попробуем применить этот подход к результатам интеллектуальной деятельности, созданным искусственным интеллектом. Чистые затраты на разработку будут средними на начальном этапе применения искусственного интеллекта и значительно снизятся в дальнейшем, так как искусственный интеллект способен быстро производить большое количество результатов. Транзакционные издержки будут небольшими — один и тот же результат может быть лицензирован ряду пользователей при сравнительно неболь-

ших расходах. «Издержки творчества» зависят от характера созданного результата, но в сфере авторского права в большинстве случаев они будут небольшими ввиду отсутствия препятствий для создания аналогичных объектов другими лицами. Не будут большими и «издержки на изобретение».

Очевидно, что, исходя из этой модели, применение режима общественного достояния к результатам интеллектуальной деятельности, созданным искусственным интеллектом, не приведет к снижению общественно значимых издержек, но лишь ограничит инициативы его применения.

Заключение

Анализ рассмотренных моделей показывает, что при всем их многообразии лишь некоторые могут обеспечить стимулирование создания и использование новых результатов интеллектуальной деятельности, из которых наиболее перспективным является вариант с закреплением права на результат, созданный искусственным интеллектом, за организатором соответствующего процесса.

Права, которые могут быть закреплены на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта, должны быть более ограниченными, чем традиционные исключительные права автора, при обеспечении интересов авторов-людей.

В этом случае любое лицо, профессионально занимающееся производством интеллектуальной собственности, будет иметь выбор: с меньшими расходами создать результат интеллектуальной деятельности за счет использования искусственного интеллекта, но получить относительно ограниченное право на не очень протяженный срок — или же платить автору-человеку за создание объекта больше, но и приобрести права на более длительный срок. Возможно, что со временем для потребителей будет иметь значение создание результата интеллектуальной деятельности именно человеком (подобно тому, как сейчас ценятся изделия, сделанные индивидуально, вручную и т.д.).

В связи с этим целесообразно и введение обязанности указывать на использование искусственного интеллекта при создании результата интеллектуальной деятельности. Потребитель сможет самостоятельно оценить, предпочитает ли он читать книгу или смотреть кинофильм, созданный человеком или программой.

Вводить в число субъектов права искусственный интеллект в данный момент не имеет смысла. Наиболее перспективно закрепление прав за организатором использования искусственного интеллекта для создания результатов интеллектуальной деятельности. Однако такая модель не является чем-то принципиально новым для права интеллектуальной собственности — на-

зовем хотя бы права изготовителя фонограмм, организации эфирного или кабельного вещания, изготовителя базы данных. Таким образом появление искусственного интеллекта в сфере интеллектуальной собственности требует не кардинальной перестройки всего правового регулирования, но лишь поступательного развития в рамках существующих моделей.

Список источников

1. Дозорцев В.А. Право на фильм как сложное многослойное произведение / Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации. М.: Статут, 2003. С. 144–179.
2. Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. 528 с.
3. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: дис... д. ю. н. М., 2019. 420 с.
4. Назаров Н. Признание авторства на результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2020. N 3. С. 53–62.
5. Наумов В.Б., Тютюк Е.В. К вопросу о правовом статусе «творчества» искусственного интеллекта // Правоведение. 2018. Т. 62. N 3. С. 531–540.
6. Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. 283 с.
7. Сесицкий Е.П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта. Дис... к. ю. н. М., 2018. 218 с.
8. Bently L., Sherman B. Intellectual Property Law. Oxford: University Press, 2004, 1131 p.
9. Butler T. Can Computer be an Author — Copyright Aspects of AI. Hastings Comm & Ent., 1982, no. 4, pp. 707–747.
10. Feather J. Significance of Copyright History. In: Privilege and Property. Essays on History of Copyright. Cambridge: Open Book Publishers, 2010, pp. 359–367.
11. Garnett K., James J., Davies G. Copinger and Skone James on Copyright. London: Sweet & Maxwell, 1999, 1225 p.
12. Jaszi P. The Author Effect: Contemporary Copyright and Collective Creativity. Cardozo Arts and Entertainment Law Journal, 1992, no. 2, pp. 293–320.
13. Perri M., Margoni T. From Music Tracks to Google Maps: Who Owns Computer-Generated Works? Computer Law and Security Review, 2010, no. 6, pp. 621–629.
14. Prange D., Lawson A. Re-Evaluating Companies' AI Protection Strategies. Managing Intellectual Property, 2018, vol. 2, pp. 35–38.
15. Rai A.K. Regulating Research: Intellectual Property Rights and the Norms of Science. Northwestern University Law Review, 1999, no. 1, pp. 77–152.
16. Samuelson P. Allocating Ownership Rights in Computer-Generated Works. University of Pittsburgh Law Review, 1986, no. 47, pp. 1185–1204.
17. Searle J. Minds, Brains, and Programs. The Behavioral and Brain Sciences, 1980, vol. 3, no. 3, pp. 417–457.
18. Selvadurai N., Matulionyte R. Reconsidering Creativity: Copyright Protection for Works Generated Using AI. Journal of Intellectual Property Law & Practice, 2020, vol. 15, no. 7, pp. 536–543.

19. Solum L.B. Legal Personhood for Artificial Intelligences. *North Carolina Law Review*, 1992, vol. 70, no. 4, pp. 1231–1287.
20. Vaver D. Translation and Copyright: A Canadian Focus. *European Intellectual Property Review*, 1994, no. 4, pp. 159–166.
21. Yu R. The Machine Author: What Level of Copyright Protection is Appropriate For Fully Independent Computer-Generated Works? *University of Pennsylvania Law Review*, 2017, vol. 165, pp. 1266–1268.

References

1. Bently L., Sherman B. (2004) *Intellectual Property Law*. Oxford: University Press, 1131 p.
2. Butler T. (1982) Can Computer be an Author. Copyright Aspects of AI. *Hastings Comm & Ent.*, no. 4, pp. 707–747.
3. Dozortcev V.A. (2003) Copyright for Film as Complex Multi-Word Composition. In: *Intellectual Copyright. Term. System. Codification*. Moscow: Statut, pp. 143–170 (in Russ.)
4. Feather J. (2010) The Significance of Copyright History. In: *Privilege and Property. Essays on History of Copyright*. Cambridge: Open Book Publishers, pp. 359–368.
5. Garnett K., James J., Davies G. (1999) *Copinger and Skone James on Copyright*. London: Sweet & Maxwell, 1225 p.
6. Jaszi P. (1992) On the Author Effect: Contemporary Copyright and Collective Creativity. *Cardozo Arts and Entertainment Law Journal*, no. 2, pp. 293–320.
7. Karapetov A.G. (2016) *Economic Analysis of Law*. Moscow: Statut, 528 p. (in Russ.)
8. Morhat P.M. (2019) AI in Sphere of Intellectual Property Law. Doctor of Juridical Sciences Thesis. Moscow, 420 p. (in Russ.)
9. Naumov V.B., Tituk E.V. (2018) Legal Status of AI Creativity. *Pravovedeniye =Legal Studies*, no. 3, pp. 531–540 (in Russ.)
10. Nazarov N. (2020) Recognizing Authorship for Results of Intellectual Works Created by AI. *Intellectualnaya sobstvennost, avtorskoye parvo i smezhnyye prava=Intellectual Property, Copyright and Adjacent Rights*, no. 3, pp. 53–62 (in Russ.)
11. Perri M., Margoni T. (2010) From Music Tracks to Google Maps: Who Owns Computer-Generated Works? *Computer Law and Security Review*, no. 6, pp. 621–629.
12. Prange D., Lawson A. (2018) Re-Evaluating Companies' AI Protection Strategies. *Managing Intellectual Property*, vol. 2, pp. 35–38.
13. Rai A.K. (1999) Regulating Research: Intellectual Property Rights and the Norms of Science. *Northwestern University Law Review*, no.1, pp. 77–152.
14. Samuelson P. (1986) Allocating Ownership Rights in Computer-Generated Works. *University of Pittsburgh Law Review*, vol. 47, pp. 1185–1204.
15. Searle J. (1980) Minds, Brains and Programs. *The Behavioral and Brain Sciences*, no. 3, pp. 417–457.
16. Selvadurai N., Matulionyte R. (2020) Copyright Protection for Works Generated Using AI. *Journal of Intellectual Property Law & Practice*, no. 7, pp. 536–543.
17. Serebrovskiy V.I. (1956) *Aspects of Soviet Copyright*. Moscow: Akademia nauk, 283 p. (in Russ.)
18. Sesitskiy E.P. (2018) Legal Protection of Results Created by AI. Candidate of Legal Sciences Thesis. Moscow, 218 p. (in Russ.)
19. Solum L. (1992) Legal Personhood for Artificial Intelligences. *North Carolina Law Review*, vol. 70, no. 4, pp. 1231–1287.

20. Vaver D. (1994) Translation and Copyright: A Canadian Focus. *European Intellectual Property Review*, no. 4, pp. 159–166.

21. Yu.R. (2017) The Machine Author: What Level of Copyright Protection is Appropriate For Fully Independent Computer-Generated Works? *University of Pennsylvania Law Review*, vol. 165, pp. 1266–1268.

Данные об авторе:

В.О. Калятин — профессор, кандидат юридических наук.

Information about the author:

V.O. Kalyatin — Professor, Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 24.05.2021; одобрена после рецензирования 15.09.2021; принята к публикации 28.02.2022.

The article was submitted to editorial office 24.05.2021; approved after reviewing 15.09.2021; accepted for publication 28.02.2022.